
ЗАМЕТКИ ПОСТОРОННЕГО

Наталья ГРАНЦЕВА

КОМЕДИЯ ОШИБОК ИЛИ ОШИБКИ КОМЕДИЙ?

Аромат юности

В разделе комедий в Первом фолио помещено четырнадцать пьес. В их числе такие хорошо известные, как «Буря», «Сон в летнюю ночь», «Двенадцатая ночь», «Венецианский купец»... Но есть и такие, которым шекспироведы и прочие исследователи шекспировского наследия уделяют мало внимания, которые по умолчанию воспринимаются неинтересными и с содержательной, и с формальной точки зрения. Сегодня речь пойдет о пьесе, увенчанной самым скучным и бесцветным из всех возможных названием — «Комедия ошибок». Исследователи ей уделяют минимум внимания.

«Похоже, это первая пьеса, представленная Шекспиром на открытие театров при выходе из длительной эпидемии чумы в 1594 или 1595 годах. Речь идет об упражнении в драматической конструкции, о некотором роде вызова, брошенного Шекспиром, чтобы ослепить публику совершенной имитацией классической формы, унаследованной из новой комедии Менандра. Из всех шекспировских пьес именно у этой самая сжатая структура»¹.

«В „Комедии ошибок“ заметен „аромат юности“», по словам американского шекспироведа Сэмюэля Шенбаума.

«Гений Шекспира заключался в том, что он брал привлекательный мотив и создавал шедевр. Для „Комедии ошибок“ он заимствовал простой, но эффектный сюжет Плавта — два брата-близнеца, никогда не встречавшиеся раньше, одновременно оказываются в одном и том же городке; при этом усиливает комический эффект пьесы

Наталья Анатольевна Гранцева — поэт, эссеист — родилась в Ленинграде, окончила Литературный институт им. Горького. Автор семи книг поэзии и исторической эссеистики. Живет в Санкт-Петербурге.

¹ Маген Ж.-М., Маген А. Шекспир. Серия «След в истории». Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

то, что у братьев и слуги — близнецы, которые тоже не в курсе разворачивающейся интриги»².

Пьеса, о которой идет речь, по сути, является переделкой известного сюжета. Манера использовать чужие смысловые конструкции характерна для многих произведений Барда, из-за чего о нем шла слава как о вороне, украшенной чужими перьями. Но сам по себе факт переделок ранее известных текстов (пьес, поэм, новелл) традиционен для времен эпохи барокко, он может быть вполне приемлем, если автор переделки вносит в заимствованную конструкцию нечто свое, улучшающее исходный материал. Но у Шекспира так получалось не всегда.

«Ранние пьесы Шекспира привлекают мало внимания исследователей, в них нет психологических открытий и сложных характеров. „Комедия ошибок“ на сюжет латинской комедии Плавта „Близнецы“ наполнена сценками семейных раздоров, основанных на недоразумениях, а также комическими столкновениями между хозяевами и слугами», — пишет советский шекспировед, доктор филологических наук В. П. Комарова. Она же сжато пересказывает фабулу пьесы.

«Антифол из Сиракуз и его слуга Дромио попадают в город Эфес, где уже много лет живут пропавшие когда-то во время кораблекрушения их братья-близнецы. Жители Эфеса принимают их за своих сограждан. Путаница приводит к тому, что жена Антифола Эфесского Адриана принимает Антифола из Сиракуз за своего мужа, а настоящего мужа не впускает в дом. Ее сестра Люциана покорила Антифола из Сиракуз, и тот объясняется ей в любви, а она, думая, что имеет дело с мужем Адрианы, наставляет его в искусстве притворства, рассказывает обо всем сестре. В конце концов Адриана отправляет настоящего мужа в сумасшедший дом, а позднее, увидев Антифола из Сиракуз, думает, что муж сбежал, и приказывает его поймать. Тот скрывается в монастыре, где настоятельницей оказывается мать близнецов жена купца Эгеона из Сиракуз, который после двадцати лет находит своих сыновей и жену»³.

Тот же автор замечает, что оригинальные наблюдения серьезного характера занимают мало места в пьесе, где преобладают комические, фарсовые сценки. В некоторых сценах ощущается английский колорит, придающий своеобразие этой ранней комедии.

Сложно сказать, что же собственно английского содержится в комедии, однако здесь можно добавить и то, что в пьесе есть и другие «колориты». Например, марки (немецкие? Швейцарские? Датские?), которыми измеряет штраф/выкуп эфесский герцог (?). Кстати, герцог носит вполне итальянское имя Солина, да и другие герои итальянизированы: Люциана, Адриана, Анджело, Бальтазар... Так что итальянского колорита здесь едва ли не больше, чем английского.

Но вернемся к содержанию пьесы «Комедия ошибок». Авторитетный американский шекспировед заявил, что в этой пьесе виден «аромат юности». Да, даже из короткого пересказа фабулы видно, что в ней действуют две пары близнецов. Прочие же персонажи — явно взрослые. Герцог, ювелир и четыре купца, школьный учитель и тюремщик, игуменья и куртизанка — явно не юные создания, не говоря уж о палаче, стражниках, полицейских и слугах. Есть еще три женских персонажа: Адриана, Люциана, Люция — возможно, ровесницы близнецов. Но юны ли близнецы, что господа, что слуги?

Обратимся к тексту пьесы. Известно, что ключ к пониманию содержания любой пьесы находится в первых сценах первого акта. Именно там задаются «параметры» чтения, формируется завязка сюжета. В экспозиции шекспировской пьесы первый акт

² Брайсон Б. Шекспир. Весь мир — театр. М.: Центр книги Рудомино, 2014.

³ Комарова В. П. Творчество Шекспира. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. 2001.

состоит всего из двух сцен. В первой сцене первого акта нам показаны два героя — герцог Солина и купец Эгеон (правитель, государь Эфеса и чужеземец Эгеон из Сиракуз).

Оба города (государства) находятся в недружественных отношениях. Какая кошка меж ними пробежала? Из текста рассказа Эгеона следует, что он побывал во множестве городов и его нигде не арестовывали, не приговаривали к казни за появление на чужой территории... В чем же причина жестких санкций по отношению к сиракузянам? Шекспироведы не дают ответа на этот ключевой вопрос.

Шекспир же в первых строках объясняет причину вражды.

Жестокость изначально проявил государь Сиракуз, он требовал выкуп с эфесских купцов, безденежных. Именно государь Сиракуз «заставил кровью он // Запечатлеть жестокие законы // Его страны». Результат этого «межгосударственного» конфликта — «началось смертельное междоусобье наше // С бунтующим твоим народом»... Как? Что из этого следует?

Из этого следует, что Сиракузы требовали с купцов плату (пошлину?) за торговлю, а купцы клялись, что торговали в Сиракузах себе в убыток, что у них нет денег. Соответственно, были «казнены» за нарушение договоренностей о взаимовыгодной торговле. Однако, как следует из объяснений герцога Солины, законные требования и правомерные действия Сиракуз были расценены Эфесом как бунт! То есть, согласно мнению эфесского государя, эфесские купцы имели право торговать в Сиракузах бесплатно! То есть попросту объявлять, что у них нет денег! Подчиняться грабительской политике Эфеса! Вот почему герцог Солина вынужден был дать «зеркальный ответ»! Или деньги — или смерть!

Нищие эфесские купцы ничем не хуже купцов сиракузских. Вот и купец Эгеон, объездив полмира и порядком потратившись, имеет в кармане всего 100 марок. Поэтому его имущество по закону Эфеса конфискуется, а ему присуждается штраф в 2000 марок. При невозможности заплатить — смерть.

Такова экспозиция «Комедии ошибок», в которой, увы, ничего комического нет. Вот и известный поэт У.-Х. Оден фиксирует, что первая сцена первого акта пьесы ничего веселого не сулит.

«Формально события в „Комедии ошибок“ трагичны. Герцог Эфесский поклялся убивать всех встретившихся ему сиракузян, но вот перед ним сиракузянин Эгеон, которого он хотел бы пощадить»⁴.

Взрослые люди нарушают межгосударственные торговые соглашения, опасные для жизни обеих сторон. Какой уж здесь «аромат юности»?

Посмотрим на вторую сцену первого акта. Здесь появляется еще один «нелегальный мигрант» из Сиракуз — Антифол Сиракузский. Нарушить закон Эфеса ему предлагает персонаж *Первый купец*. Говорит, что он хранит деньги Антифола, теперь деньги хозяину возвращает, но закликает, чтобы тот назвался гостем из другого города (Эпидамна). Иначе деньги конфискуют. Антифол следует совету и деньги передает своему слуге Дромио — 1000 марок. Эту сумму слуга должен отнести в гостиницу, где сиракузяне остановились. Пока тоже ничего смешного нет.

По тексту видно, что Антифол Сиракузский принимает за своего слугу — слугу брата, говорит с Дромио Эфесским. Этот Дромио Эфесский слуга весьма языкатый, он шутник и балагур. Удивительно, что и Дромио не чувствует, что собеседник — не его хозяин, а пришлый гость! Может быть, здесь виден «Аромат юности»? Юные не слишком наблюдательны, не знают цену деньгам. Вот и Дромио, говоря о шести пенсах, несколько не удивляется, что ему вручают тысячу марок!

Оба героя, как следует из текста, ровесники. Сколько же им лет? Это можно понять из рассказа Эгеона.

⁴ Оден У.-Х. Лекции о Шекспире. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2008.

Эгеон:

Мой младший сын
И, вместе с тем, старейшая забота
В осьмнадцать лет желанье ощутил
Узнать, где брат его, и неотступно
Меня просить он начал отпустить
На поиски его, в сопровожденье его слуги... <...>
Я уступил — и потерял того,
Кого любил. Пять лет я ездил всюду
По Греции; я был и у границ
Стран Азии — и вот, плывя оттуда
На родину, в Эфес заехал...

(Сцена 1, акт 1)

Путем нехитрых арифметических вычислений приходим к выводу, что 18 плюс 5 равно 23. То есть на момент событий братьям-близнецам примерно 23 года каждому. И обоим Антифолам, и обоим Дромио. Юны ли эти герои?

В шекспировское время молодые люди двадцати трех лет уже считались совершенно взрослыми. Известно, что к 18—20 годам мужчины получали полное образование (бакалавриат, магистратура) и уже являлись полноценными гражданами. Да что же говорить, если в порядке вещей в шекспировское время считались брачные отношения в 13—14 лет («Ромео и Джульетта»)! Вот где был подлинный «аромат юности»!

Зачем близнецы удвоены?

В пьесе «Комедия ошибок» есть не только возрастные несообразности. Приведем еще один пример. В первой сцене в рассказе Эгеона есть два высказывания, противоречащих друг другу. Сначала он говорит, что меньшей сын оказался в руках жены (а значит, попал в Эфес), а чуть ниже говорит: «Мой младший сын...» (значит, младший оказался в Сиракузах вместе с отцом?). Значит, было *два младших сына*? Или что — были еще *старшие сыновья*? И тоже — близнецы? Где же они? Почему о них не идет речь? Или старшие — это *слуги-близнецы*? Может быть, в этих несообразностях кроется шекспировская манера изображения комического?

Конечно, у такого великого (непревзойденного!) поэта-драматурга не могло быть случайных несообразностей! Видимо, это какая-то неизвестная изощреннейшая технология эпохи барокко. Но была ли она по плечу начинающему автору, который пишет первую пьесу в своей жизни? И главное — что здесь смешного, комического? Текст экспозиции не вызывает даже кривой улыбки....

Крупнейший современный литературный и культурный критик, антрополог и философ Рене Жирар обращается к творчеству Шекспира и, говоря об интенциях поэтов, упоминает комедию «Два веронца». Он анализирует и другие комедии Великого Барда, но хотя и ни слова не говорит о «Комедии ошибок», все же и к ней можно отнести нижеприводимые строки.

«Шекспир комичней, чем мы думаем, он нередко бывает язвительным и даже циничным и оказывается гораздо современнее, чем можно предположить. Было бы ошибкой считать, что нельзя реконструировать шекспировские интенции. Со времен старой „новой критики“ исследователи не учитывают интенции поэтов, считая их непостижимыми и попросту неважными. Применительно к театру такая установка поистине

губительна. Комедиограф продумывает *комические эффекты*, и если мы их не поймем, то не сможем правильно поставить комедию»⁵.

Да, мы тоже подозреваем, что в пьесе заложены комические эффекты. Однако в первых двух сценах «Комедии ошибок» их не видно. Мы говорим лишь о тексте.

И да, мы согласны с тем, что исследователи не учитывают интенции поэтов. Считают их неважными. Понятно почему. Если бы было по-другому, они сами бы стали шекспирами! То есть обладателями уникального поэтического мышления!

А вот поэт У.-Х.Оден, размышляя о природе комического, в лекции 23 октября 1946 года объединил в одно целое разговор о пьесе «Два веронца» и пьесе «Комедия ошибок». Видимо, не случайно. Что-то же их объединяет!

Задумаемся, мы уже не раз сталкивались с тем, что резкие суждения и эпатажные действия этого литературного мэтра демонстрировали явное нежелание говорить то, что считает целесообразным традиционное шекспироведение, и не менее явное признание в невозможности сказать то, что стратфордианцы не приемлют... Может быть, и в данном случае единственная возможность самовыразиться безопасным образом была только такой?

Да, поэт У.-Х.Оден отмечает, что формально события в «Комедии ошибок» трагичны. То есть отказывает в комической природе самой пьесе. Вывод для читателя и слушателя может звучать примерно так: это не комедия, это формально трагедия. Комичность путаниц и неузнаваний не смешна. «Комичной неразбериха выглядит только потому, что в ней никто не виноват»⁶.

Конечно, поэту-лектору было бы логичней объединить в одной лекции две пьесы, в которых речь шла бы и о кораблекрушении, и о близнецах. Например, близнецы и кораблекрушение фигурируют и в комедии «Двенадцатая ночь»... Однако почему-то он избрал другую пару комедий. Значит, и в «Двух веронцах» были умышленно заложены комические эффекты? Следует обратить внимание и на то, что значительную часть лекции поэт посвятил размышлениям о том, как передается комическое не только в тексте, но и на сцене...

Мы тоже при чтении пьесы «Комедия ошибок» невольно вспоминали известные (и весьма эпатажные!) утверждения крупнейшего представителя шотландского Просвещения, философа, историка, экономиста и публициста Дэвида Юма:

«Как бы по вдохновению Шекспир нередко улавливает и передает поразительную оригинальность чувства, свойственную необыкновенным характерам, однако спокойная точность мысли ему не дается никогда. Он изобилует сильными выражениями и живописными описаниями, но тщетно стали бы мы искать у него ясности и простоты поэтического слога. Совершенное незнание им всяких законов театрального искусства есть важный изъян, но поскольку задевает он скорее зрителя, нежели читателя, то мы можем простить его...»⁷

Это совершенно возмутительное заявление о том, что Шекспир не знал законов театрального искусства, возвращает нас к вопросу: а зачем Бард удвоил близнецов? Пусть он взял в основу текст Плавта, но там было всего два близнеца. Зачем же здесь ему понадобились четыре? Превзошла ли эта пьеса-переделка свой простенький первоисточник по сложности и эстетической ценности? Или такая «художественная» самодетельность привела к отрицательному результату?

Вот и известный шекспировед Г. Брандес сдержанно отмечает удвоение героев как неудачную шекспировскую «фишку»-новацию.

⁵ Жирар Рене. Театр зависти. Уильям Шекспир/ Пер. с англ. (Серия «Философия и богословие»). — М.: Издательство ББИ, 2021.

⁶ Оден У.-Х. Лекции о Шекспире. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2008.

⁷ Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. СПб.: Алетейя, 2001.

«Его „Комедия ошибок“ написана по образцу древней комедии Плавта „Menaechmi“, или вернее, по образцу английской пьесы под тем же заглавием, вышедшей в 1580 г. И составленной, в свою очередь, не прямо по Плавту, а по итальянским переделкам древнего латинского фарса. К недоразумениям, происходящим вследствие того, что господ Антифолысы принимаются один за другого, Шекспир в своей комедии прибавил соответственное, малоправдоподобное смешение их слуг, точно так же носящих одно и то же имя и точно так же близнецов»⁸.

Суммируем все сказанное выше.

Пьеса «Комедия ошибок» — не комедия (формально трагедия), но по факту и не трагедия (никто ни в чем не виноват). — Оден.

Шекспир совершенно не знал театральных законов. — Юм.

Удвоение близнецов в «Комедии ошибок» малоправдоподобно. Следовательно, латинский фарс переделан неудачно. — Брандес.

Сумма этих заявлений позволяет нам задуматься над тем, как же показано комическое в пьесе. Придется включить воображение.

В тексте близнецы различаются с помощью соответствующих пояснений — Сиракузский или Эфесский. А на сцене?

Слуги не узнают своих господ, господа не узнают своих слуг. Допустим, и те и другие одеты одинаково. (Хотя это тоже маловероятно, как, впрочем, и одинаковая речь людей, живших в разных городах!) Молодая жена (аромат юности!) не узнает своего мужа и его слугу...

Но как зрителю понять, с каким Дромио беседует Антифол, если сам Антифол этого не понимает? Да и слуга не понимает, что перед ним чужой человек... К этому прибавляется неразбериха с драгоценностями (кто кому передает цепь, кто дарит/отбирает кольцо?). Зритель поймет хоть что-нибудь из происходящего на сцене лишь в том случае, если на груди у каждого будет висеть табличка «Сиракузы» или «Эфес»... Разве это новация в театральном деле? Переделка латинского фарса вряд ли выглядит удачной...

Так мстит автору «незнание театральных законов».

Однако и в последующих текстах комедий мы встречались с подобными «новациями». Вот поэт Оден в своей лекции поставил рядом и «Комедию ошибок», и «Двух веронцев». Почему? Может быть, как раз по принципу «незнания театральных законов»?

Здесь вспоминается в комедии «Два веронца» самый вопиющий казус, который мог позволить себе только неопытный драматург — выведение на сцену натурального животного! В третьей сцене второго акта слуга Ланс, слуга Протея, выводит на подмостки пса по кличке Краб.

В современных изданиях шекспировских произведений можно собственными глазами увидеть эту дикую ремарку, поставленную добросовестными филологами начала XVIII века: «Входит Ланс со своей собакой». В издании фолио 1623 года, разумеется, такая дичь отсутствует. Видимо, и Юм читал не текст в Первом фолио (1623), а филологическую переделку аутентичного текста. Нет, Шекспир знал законы театра и никогда бы не вывел на сцену животное!

Но если бы даже режиссер шекспировской эпохи вывел на сцену героев с табличками на груди, это вряд ли бы помогло нам ответить на вопрос: зачем вместо двух близнецов автор сделал четыре?

Шекспироведы не задаются таким вопросом. Мотивация автора их как бы не интересует. Однако мы нашли такого английского специалиста, который попытался ответить на этот гипотетический вопрос. Это известный английский писатель Энтони Берджесс. Вот что он пишет:

⁸ Брандес Г. Неизвестный Шекспир. Кто если не он? М.: Эксмо, Алгоритм, 2012.

«Существуют творческие личности, которые считают, что гораздо тяжелее сделать абсолютно точную копию (что считается высшей добродетелью переводчика), чем создать оригинальное произведение, и я уверен, что Шекспир принадлежал к такому типу личности. Начав переводить „двух Менехмов“, он закончил „Комедией ошибок“!»⁹

Вот в чем дело! Дело в амбициях молодого автора! Он просто не хотел быть похожим на других, которые и до него не раз переделывали «Плавта»!

Берджесс продолжает:

«Давайте представим, что Уилл начинает переводить на английский „Двух Менехмов“ Плавта. Как всякой творческой личности, ему становится скучно повторять слово в слово другого художника, и он отбрасывает построчный перевод, занявшись созданием фактически нового произведения, хотя близкого к оригиналу по теме, характеристам, действию, но все же весьма отличающегося. Перевод настолько свободный, что сам становится оригиналом».

Конечно, у любого читателя сразу возникает закономерный вопрос: пусть мы имеем дело с непревзойденным и фантастическим самородком, но все-таки как он, находясь в 1585 году неизвестно где (но не в Стратфорде — так называемые «потерянные годы»), так смело ринулся в опасную сферу литературного и театрального экспериментаторства, если и в конце его жизни в его доме не нашлось ни одной книги?

Известный английский писатель игнорирует отсутствие достоверных документов о жизни Шекспира из Стратфорда и предается вольному полету фантазии. Писатель солидарен с теми исследователями, которые считают, что данные о жизни Великого Барда размещены в его произведениях. Но в каких? Здесь тоже есть простор для пируэтов мысли.

Например, в пьесе «Ричард III» упоминается замок Беркли. Э. Берджесс делает вывод: значит, Шекспир там был. И именно в так называемые «потерянные годы» (1585—1592). Но мало ли какие географические локации упоминаются в пьесах Шекспира? Почему произвольно выбран именно этот замок? Это первый вопрос. А второй тоже закономерен: в каком качестве сын стратфордского перчаточника оказался в этом замке?

Версия Э. Берджесса элегантно приводит нас к пьесе «Комедия ошибок» — именно там и была написана первая комедия! Как же умудрился двадцатилетний юноша создать сложное произведение? Ведь исследователи даже не уверены в том, что стратфордский самородок учился в начальной грамматической латинской школе по месту своего рождения!

Однако смелая мысль английского писателя не знает преград. «Возможно, Уилл провел там некоторое время. Трудно представить, чем еще он мог заняться, кроме учительства. Скорее как воспитатель, чем как преподаватель младших классов...»¹⁰

Далее автор ссылается на то, что есть шекспироведы, которые считают молодого Шекспира воспитателем сыновей графа Беркли, а в систему воспитания входили и театрализованные уроки, для этой цели воспитатель и написал «Комедию ошибок» — пьесу-переделку по мотивам Плавта, которого сам изучал в начальной школе.

Как и автор этого эссе, Э. Берджесс, видимо, встал перед необходимостью свести концы с концами. Любой начинающий автор всегда стремится воспроизвести с небольшими изменениями эталонный текст, наилучшим образом скопировать его. И никогда не ставит своей задачей максимально усложнить его — удалось бы и простое повторить! Почему же Шекспир пошел нетрадиционным путем, почему удвоил число близнецов в пьесе? Вопрос повисает в воздухе.

⁹ Берджесс Э. Шекспир. Гений и его эпоха. М.: ЗАО «Изд-во Центрполиграф», 2001.

¹⁰ Там же.

Сразу скажем, что, несмотря на множество произвольных допущений, Энтони Берджесс интуитивно подошел к верной версии (на наш взгляд). Но замок Беркли здесь ни при чем. (Но об этом позже.)

Во всяком случае, стоит признать, что версия Э. Берджесса весьма элегантно не только решает проблему «потерянные годы», но и объясняет источник библиотечного знания и театрального опыта, полученного Шекспиром-учителем за семь лет пребывания в замке Беркли. А заодно и прилежно вписывается в традиционное шекспироведение, которое относит создание «Комедии ошибок» к 1589 году.

«„Комедия ошибок“, вероятно, была сочинена во второй половине 1589 года. Это первая комедия и явно вообще первая пьеса Шекспира»¹¹.

«„Комедия ошибок“ относится к числу самых ранних произведений Шекспира. Она не пользовалась у современников большой популярностью и при жизни Шекспира не издавалась. Текст комедии дошел нам в фолио 1623 года. Известно, что до 1594 года она уже шла на сцене, а написана, по косвенным данным, была около 1589 года»¹².

В дополнение к сказанному Энтони Берджесс отмечает, что по мотивам пьесы «Комедия ошибок» был создан голливудский мюзикл «Парни из Сиракуз». «Сценарий придерживался шекспировского сюжета, но без его диалогов. Двойные близнецы были достоверны, так как камера искусно работала на них: на сцене такой достоверности достичь невозможно. Ошибки были гениально комичны. Если бы Уилл увидел этот фильм, он едва ли сожалел бы об отказе от длинных скрипучих диалогов. Смех был смехом положения, и почти целиком это было заслугой автора пьесы»¹³.

Парни из Сиракуз против парней из Эфеса

В единственной сцене пятого акта разрешаются все комические коллизии, но к уже замеченным несообразностям прибавляются новые. Действие происходит перед монастырем в Сиракузах. Начальная ремарка утверждает, что действие происходит перед монастырем. Но поскольку монастырем руководит игуменья, потерянная жена Эгеона, воспитавшая их младшего сына, то у читателя сомнения нет — герои оказались в Сиракузах. Откуда-то здесь появляются и герцог, и парни из Эфеса.

Автор как будто забыл о вражде между городами, о которой так подробно говорилось в начале комедии, в первой сцене первого акта. Здесь, в пятом акте, второй раз появляется несчастный сиракузский купец Эгеон. Ведет он себя странно, хотя его ошибка мотивирована. Но он нисколько не удивляется тому, что внезапно «перенесся» из города, где его задержали за незаконное пребывание в Эфесе, в Сиракузы... Казнить-то его должны были в Эфесе!

Эгеон:

Иль я от страха смерти
Сошел с ума, иль вправду предо мной
Стоит мой сын, мой Антифол, и Дромио.

Однако перед ним стояли эфесцы. Они не узнают папу и хозяина, поскольку при расставании при кораблекрушении были беспмятными младенцами. Даже голоса отца не помнят, что неудивительно. Но что говорит сам Эгеон?

¹¹ Шекспир. Энциклопедия. М.: Алгоритм, Эксмо; Харьков: Око, 2007.

¹² Весь Шекспир. Комедия ошибок. Перевод С. Вейнберга. Комментарии В. Васильева. М.: Олма-Пресс, 2004.

¹³ Берджесс Э. Шекспир. Гений и его эпоха. М.: ЗАО «Изд-во Центрполиграф», 2001.

Эгеон:
Не узнают и голоса! О время
Суровое! Ужель в семь кратких лет
Ты до того могло мой бедный голос
Разбить, порвать, что даже сын родной
Не узнает его больного звука,
Расстроенного скорбью?

Далее Эгеон повторяет:

Но, сын мой, вспомни —
Всего семь лет, как в Сиракузах мы
Расстались.

Антифол из Эфеса, которого Эгеон принял за своего сына-сиракузянина, отрицает, что был в Сиракузах.

Герцог подтверждает:

Он прав, купец, уж двадцать лет, как я
Заботливо слежу на Антифолом,
И никогда, за это время, он
Не ездил в Сиракузы.

Вот как решается проблема «единства места действия» молодым Шекспиром в комедии о четырех близнецах! А что нам говорит энциклопедия «Шекспир»?

«Комедия ошибок», вероятно, была сочинена во второй половине 1589 года. Это первая комедия и явно вообще первая пьеса Шекспира.

Дебют подтверждается также и тем, что лишь «Комедия ошибок» может быть названа комедией «классического стиля»¹⁴.

Разве классический стиль предполагает немотивированное перемещение героев из одного города в другой? Может быть, так великий комедиограф создавал свой уникальный «комический эффект»?

Есть и другой эффект у тех читателей, которые помнят, что Эгеон отпустил своего сына Антифоло на поиск брата, когда тому исполнилось 18 лет. Сам Эгеон утверждал, что ищет сына уже пять лет — так сообщал он в экспозиции пьесы, в первой сцене первого акта. На основании этого мы делали вывод, что обоим Антифолом на время действия уже исполнилось 23 года (18 плюс 5).

Но в пятом акте тот же Эгеон дважды говорит, что он ищет сына семь лет! Значит, обоим Антифолом и обоим Дромио уже по двадцать пять?

Едва смирившись с этой неаккуратной арифметикой Шекспира, читатель тут же натывается на признание игуменьи монастыря, жены Эгеона и матери обоих Антифолов. Вот что она заявляет:

Игуменья:
О сыновья любезные! Ведь вами
Промучилась я с лишком тридцать лет.

То есть парням из Сиракуз и парням из Эфеса даже не 25 лет, а более тридцати каждому! Еще один комический эффект, сознательно заложенный в пьесу автором?

¹⁴ Шекспир. Энциклопедия. М.: Алгоритм, Эксмо; Харьков: Око, 2007.

Антифол Сиракузский хоть и удивляется чудесным событиям, произошедшим с ним в Эфесе, но все же сохраняет ясность ума. Он все прекрасно помнит.

Другое дело — Антифол Эфесский. Портрет его, созданный на протяжении пьесы, выписан весьма выпукло. Это человек невеликого достатка, берегущий каждый пенс, но припрятавший мешок с червонцами. Он распускает руки, поколачивает своего слугу Дромио, беспрерывно бранится... С точки зрения окружающих, выглядит явно сумасшедшим. В пятом акте многословно жалуется герцогу на всеобщую несправедливость! Все против него! Особо клеймит персонажа Пинча. До сих пор мы не обращали внимания на этого эпизодического героя... А здесь, в финале, Пинч становится едва ли главным виновником происходящего!

Антифол Эфесский обвиняет школьного учителя в том, что он преследует несчастного, собрав банду сообщников! Ябедничает, злословит.

Вот часть монолога обвиненного в безумстве эфесца:

Антифол Эфесский:
...Вели они с собой
И некоего Пинча, негодяя,
Голодного, с изношенным лицом,
Живой скелет, несчастного фигляра,
Гадальщика, живого мертвеца
С потухшими глазами, шарлатана,
Оборвыша — и этот гнусный плут —
Подумайте вы только — заклинанья
Пошел творить, смотреть в мои глаза
И щупал пульс, и мертвенную рожу
В мое лицо уставив, закричал,
Что одержим я бесом.

Да, именно так и было в конце четвертого акта. Школьный учитель Пинч (так он назван в перечне действующих лиц), видя впавшего в исступление Антифола Эфесского, предложил пощупать ему пульс. Но в ответ парень из Эфеса надменно нахамил учителю!

Антифол Эфесский:
Вот вам рука: хочу я
Пощупать ваш затылок.

Вот что отвечает школьный учитель наглецу:

Пинч:
Сатана,
Что в этого вселился человека,
Тебя я заклинаю уступить
Моим святым молитвам и скорее
Бежать назад, в свои владенья тьмы.
Во имя всех святых — я заклинаю
Тебя, уйди!

Но одержимый Сатаной неадекватный эфесец вновь хамит учителю:

Антифол Эфесский:
Молчи, колдун, нелепый,
Молчи! Еще я не сошел с ума.

Учитель Пинч — колдун? До сих пор мы слышали о том, что лапландские колдуны встретились герою из Сиракуз — в Эфесе. Откуда в греческих городах взялись лапландские колдуны?

(До сих пор мы знали, что учитель лапландского происхождения (колдун?) был вполне логично на территории Российской империи, это был поэт и педагог Александр Петрович Сумароков. Однако он жил уже в XVIII веке (1717—1777). Мы же рассматриваем традиционную версию жизни У. Шекспира (1564—1616).)

Оба парня из Эфеса, и Антифол, и Дромио, страдают частичной амнезией. Обоих учитель Пинч призывает связать. Вот в пятом акте Антифол из Эфеса и жалуется герцогу о тотальной несправедливости.

Игуменя сиракузского монастыря, у стен которого происходит действие в финале, после завершения разбора всех путаниц приглашает собравшихся на... крещение!

Разве дело происходит не в греческом монастыре? Разве греки не христиане?

Недоумение читателя рассеивает реплика герцога:

Игуменя:
Пойдем со мной отпраздновать крестины.
О, радостный исход столь долгих мук!

Герцог:
От всей души я буду вашим крестным.

Кто же и кого собирается крестить? Неужели среди героев есть язычники или некрещенные иноверцы? Неужели и здесь заложен «комический эффект»?

Но не будем терять ясности сознания. Крестить собираются тех, в кого вселился бес/сатана: Антифол Эфесский и Дромио Эфесский.

Не дав читателю задуматься над этим вопросом и даже уводя читателя (и зрителя) от этого вопроса, хитроумный молодой Шекспир озадачивает нас как бы новой, главной несообразностью.

В заключительных строках слуги выясняют, кто из них — старший брат?

Дромио Сиракузский:
Вперед идти извольте:
Вы старший брат.

Хоть потом Дромио из Сиракуз предлагает кинуть жребий о старшинстве, но тут же уступает дорогу старшему — слуге из Эфеса.

Что ж, в начале этого эссе мы, видимо, не напрасно обращали внимание читателя на то, что в тексте Шекспира показаны (случайно ли?) *два меньших* брата, не напрасно интересовались, были ли два старших.

По сути, Дромио Сиракузский соглашается с тем, что слуга из Эфеса — старший.

Шекспироведы всех стран, объединяйтесь!

Ироничный призыв автора этого эссе обращен к тем, кто заинтересован в решении многовековой загадки по имени Шекспир, кто бескорыстно желает раскрыть тай-

ну «шекспировского вопроса», кто хотел бы обнажить механизм этого явного проекта, превращенного в вечный филологический двигатель.

Автор этого эссе демонстрирует преимущества такого объединения. Как говорит народная мудрость: одна голова хорошо, а две (или больше) лучше. Да, как убеждает читатель, мы привлекаем к рассмотрению много разных текстов шекспироведов, и отечественных, и зарубежных. У каждого из этих авторов мы находим немало ценных соображений и «точечных» снайперских замечаний. И неважно, кого «истинным Шекспиром» считает каждый автор. Это может быть и стратфордианец, поклонник традиционного Шекспира/Шакспера, и оксфордианец, и рэтландианец, и пропагандист Невилла... Сами шекспироведы могут быть англичанами, американцами, французами, россиянами... Но все они пренебрегают мнениями поэтов, их суждениями.

Мы же покажем, что эта позиция ошибочна.

Вот, например, поэт Один утверждает, что пьеса «Комедия ошибок» формально трагична и в ней мало комического. То есть это и не комедия. Да, высказывание несколько обтекаемо и осторожно.

Но из этого заявления следует, что Шекспир написал что? Поэму? Нет, и не поэму.

Он написал драматическое произведение. Не комедия? Не трагедия? Что же?

Остается одно — это историческая хроника!

Но, скажет читатель, текст «Комедии ошибок» размещен даже в фолио 1623 года не в разделе хроник, а в разделе комедий! Но разве в основе комедии не может находиться хроникальная составляющая?

Если поэт У.-Х. Оден намекает нам путем сложения отрицаний, что мы имеем дело с хроникой, прислушаемся к нему. Тем более, что в этой пьесе мы без труда узнали героев, участвующих в фарсе, разворачивающемся в конце 1603 года. «Комедия ошибок» — девятая из комедий, которые нами рассмотрены в предыдущие годы. Во всех девяти пьесах показаны одни и те же характеры, образы, детали. Это ли не мастерство автора, историка и комедиографа? Некоторые видят это мастерство.

«Четыре комедии Шекспира считаются ранними. <...> О каждой из четырех ранних комедий высказывалось мнение о том, что она — самая ранняя. Довольно часто это место отводили „Комедии ошибок“ <...> Самая несамостоятельная комедия, говорили одни. На это все чаще возражают: зато самая хорошо сделанная, выстроенная пьеса... <...> Здесь уже ощущается рука мастера»¹⁵.

Мастерство же многогранно. Тем более в эпоху барокко, когда жил и творил Шекспир.

По пьесам Барда мы видим, что он как бы умышленно допускает «ошибки»... Ему неважно, что читатель сразу обнаруживает двух младших близнецов. Ему неважно, что от акта к акту меняется возраст героев. Ему неважно, что его герои внезапно оказываются в местах, где быть не должны. Потому что все шекспировские топонимы — лишь образы определенных локаций в одном-единственном месте — на территории францисканского монастыря. Ключом к пониманию скрытого «внутреннего» сюжета всех комедий становятся незаметные смысловые указания.

Например, в финальной сцене «Комедии ошибок» игуменья монастыря говорит:

Убеждена, что все мои труды
Бесплодными остались.

Это заявление сразу освещает особым светом пьесу о двух парах близнецов. И сразу заставляет нас вспомнить комедию «Бесплодные усилия любви», в которой сформи-

¹⁵ Шайтанов И. О. Шекспир. М.: Молодая гвардия, 2013. Серия ЖЗЛ.

ровались два тандема школяров. Эти же герои (но уже с другими именами) показаны Шекспиром в комедии «Много шума из ничего», где победителями в войне (за знания) оказались два юнца, сдавшие экзамен за курс начальной школы на отлично, а два других юнца сдали экзамен всего лишь на хорошо и удовлетворительно... Поэтому в конце 1603 года первая парочка оказалась в колледже (в Эфесе), а вторая осталась грызть плоды школьных наук (в Сиракузах). В школе при францисканском монастыре.

Да, собственно, о таких «исторических» ролях и было прямо сказано в комедии «Бесплодные усилия любви». Напомним, читателю, что внутри этой пьесы содержится инсценировка «Девять героев», написанная «в четыре руки» испанцем доном Армадо и школьным учителем Олоферном. Вот какие роли играли взрослые и школяры в рождественском фарсе 1602 года:

Пастор Натаниэль — Иисус Навин,
Олоферн — Иуда Маккавей,
Башка — Помпей Великий,
Паж Моль — Геркулес в детстве,
Армадо — Гектор Троянский.
Далее король Фердинанд объявляет:

Когда ж четыре сих героя
Понравятся в ролях своих,
То, в платье облачась другое,
Они сыграют остальных.

На это Бирон возражает:

Но их не четверо, а пять.

Король парирует:

Верней должны вы сосчитать.

Что же означает эта интереснейшая конструкция?

Фактически Шекспир нам здесь сообщает устами своих героев, что четверо героев зрелого возраста, прибывших в Британию в 1602 году вместе с подростками, впоследствии будут изображены в нескольких образах каждый. Образы эти описаны весьма прозрачно.

Да, героев в пьесе «Бесплодные усилия любви» было девять. Почти всех их мы распознали в пьесах «Сон в летнюю ночь», «Два веронца», «Как вам это понравится», «Двенадцатая ночь», «Виндзорские насмешницы», «Много шума из ничего»...

Вот и в «Комедии ошибок» мы узнали главных героев благодаря их точным образам и природным характеристикам.

Начнем с парней из Эфеса.

Антифол Эфесский — амбициозный небогатый «ботаник», первый ученик был показан в «Бесплодных усилиях любви» как Дюмен.

Его языкастый слуга Дромио Эфесский был показан в «Бесплодных усилиях любви» как Бирон (он старше всех).

Антифол Сиракузский — самый богатый школяр был показан в «Бесплодных усилиях любви» как Фердинанд, король Наварры (он младше всех).

Его слуга Дромио Сиракузский — обычный школяр без каких-либо дарований, показан в «Бесплодных усилиях любви» как Лонгвиль.

Вот для чего Шекспиру понадобилось вопреки Плавту удвоить близнецов.

Ему надо было продлить летопись пребывания в школе четырех школяров.

Конечно, юные герои-школяры не были натуральными близнецами, поэтому в конце пьесы ведут речь о старшинстве. Но человек с воображением хорошо представит себе сцену в ходе фарса, где рыжий малец тринадцати лет (Антифол-Дюмен) колотит наглого пятнадцатилетнего дылду (Дромио-Бирона).

Еще смешнее выглядит сцена, где Антифол Эфесский рисует портрет учителя Пинча — ведь слова «изношенное лицо», «оборвыш», «гнусный плут» рисуют автопортрет самого рыжего мальчика, который поносит последними словами элегантного учителя двадцати лет! Вот какой «комический эффект» заложен в пьесу в дополнение к табличкам с названиями городов на груди.

Мы без труда узнали учителя Пинча — он изображен и в других комедиях, а самый полный его портрет дан в «Бесплодных усилиях любви». Это учитель грамматики Олоферн.

Скажем еще и о том, что в образах четырех девушек в «Комедии ошибок» легко распознать четырех капуцинок из францисканского монастыря.

В образе Эгеона выведен герой, который в «Бесплодных усилиях» показан как дон Адриано де Армадо.

У всех взрослых и юных героев мужского пола есть реальные исторические прототипы. История сохранила их имена и даты жизни. Только поэт У.-Х. Оден и смог намекнуть своим студентам, что надо думать применительно к «Комедии ошибок» о хронике.

«Увы! Добродетельные философы и степенные профессора не в состоянии оценить по достоинству эпоху Возрождения, она слишком далека от их образа мыслей и слишком непохожа на их способ чувствовать. А ведь слово „возрождение“ говорит, между прочим, о возрождении горячей любви к жизни и языческой наивности воображения»¹⁶ — так писал более века назад выдающийся датский публицист и литературовед Георг Брандес в книге, посвященной анализу жизни и творчества Уильяма Шекспира.

Да, пьесу «Комедия ошибок» вполне можно было бы назвать «Ошибка комедий». Этот перевертыш, видимо, традиционный для эпохи Шекспира, жившего в эпоху позднего Возрождения, объясняет и подспудный замысел автора, который позволит читателю увидеть сквозь комическое — хроникальное, историческое в свете «аромата юности».

¹⁶ Брандес Г. Неизвестный Шекспир. Кто если не он? М.: Эксмо, Алгоритм, 2012.